

Любовь Хилинская

ЛАНОЗА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Любовь Александровна Хилинская

Заноза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67955127

SelfPub; 2022

Аннотация

Я – молодой врач, он – блестящий хирург, бабник и признанный красавчик. Что нас могло связать? Случайная встреча, совместный поход в бар и... Дальше я не помню. Зато помнит он. Наши встречи – огонь, и я чувствую, что сгораю в этом пламени. Неужели можно вот так запросто влюбиться без взаимности? Но ему не нужна моя любовь, только редкие встречи. Готова ли я на это?

Содержит нецензурную брань.

Любовь Хилинская

Заноза

1

Вот и все.

Я стою у гроба, обитого черным бархатом, и вглядываюсь в лицо человека, который был единственной родной душой для меня. Тем, с кем, казалось, мы дышали в унисон. Я и он. Мой единственный. И сейчас не было сил перестать смотреть, как и подавить в себе слезы, беспрестанно катящиеся по лицу.

– Еще пятнадцать минут, – сухо сообщает голос сотрудника похоронной компании.

Обернувшись, я киваю, высмаркиваюсь в платок и дрожащей рукой прикасаюсь к лицу Пашки. Вот и все, любимый мой, вот и все... Тебя нет больше, и меня нет. Как я без тебя?

Сажусь на табурет у изголовья и начинаю тихонько подвывать. Пальцы мои гладят Пашкины брови, такие красивые, изогнутые, будто рисованные, холодную кожу на щеках, мертвенно-бледные губы. Пятнадцать минут, любимый, у нас с тобой, а потом все. Тебя не станет навсегда. Как я без тебя?

Эта фраза стучит во мне бесконечно, и я хочу верить, что надо закрыть глаза, открыть, а муж жив и здоров, улыбается, говорит, что я самая красивая, что он любит меня безумно...

Но никогда не бывать этому. Я здесь и сейчас, а он остался во вчерашнем дне. Завтра не наступит никогда для моего светлого человека. Нет больше его. И меня нет больше.

– Время! – сотрудник крематория трогает меня за плечо. – Уже приехали те, кто будет прощаться после вас.

На трясущихся ногах я поднимаюсь с табурета, склоняюсь к мужу и целую его в ледяные губы. В последний раз.

В зал прощаний входят двое крепких парней, глядят на меня хмуро, просят отойти в сторону, после чего накрывают крышкой домовину, заколачивают гвозди, убирают стоперы с колес каталки, на которой стоит гроб с Пашей и катят его в сторону неприметной двери. Я стою, закусив губу, глядя на то, как мой муж, моя надежда и опора, скрывается в помещении, где вскоре превратится в груды пепла.

Мне сказали, что урну можно будет забрать завтра с восьми до пятнадцати, и я разворачиваюсь, чтобы уйти. Ноги не слушаются меня, словно стали ватными, я еле бреду, сквозь пелену слез не различая дороги.

– Куда прешь, чучело? – слышу брезгливый женский возглас за дверью, когда пытаюсь выйти и натыкаюсь на кого-то в ярких красных туфлях и черном платье.

Краем сознания отмечаю, что дама вырядилась будто на показ мод, в черном платье-футляре, черной же шляпе с вуалью, из-под которой на меня смотрят злые раскосые глаза. Под руку ее держал высокий мужчина, но на него я даже внимания не обратила, пробормотав «извините» и побредя

дальше. В другое время я бы, может, и ответила покрепче, но сейчас совершенно нет сил.

Крематорий находился неподалеку от больницы, вокруг которой имелся парк с вековыми соснами и лавочками для выздоравливающих больных. Пройти туда можно было сквозь боковую калитку, чем я и воспользовалась, а уж там дала волю слезам, закрыв лицо руками и уткнувшись в колени. Господи, как же больно! За что ж ты так наказал меня – подарил короткое счастье и забрал его? Рыдания сотрясают мое тело, я никак не могу успокоиться, пока не чувствую, что кто-то положил руку на плечо.

Подняв голову, замечаю седовласого мужчину, больше похожего на бомжа, но в странной пижаме, наверное, больничной. Он держит в руках бутылочку с водой и улыбается беззубым ртом.

– Выпей-ка, милая, а то совсем тут затопишь все, – кивает мне и садится рядом. – Ишь ты, горяшко! Помер кто?

Я с благодарностью беру воду – сама-то не подумала об этом, когда спешила утром на прощание с Пашей – делаю глоток, пытаюсь погасить судорожные всхлипы, после чего киваю старичку.

– Муж! – шепчу сухими губами и чувствую, как глаза снова наливаются слезами. – Любимый мой!

– Эх, едрит-мадрид! – сокрушается старичок, после чего снова участливо гладит меня по плечу. – Молодежь мрет. Окна-то мои сюда выходят, скучно в палате, вот я и гляжу,

что только и таскают покойников одного за другим. А ты не плачь, девонька, жисть-то она така, кому суждено, тот живет, а кому нет – помрет. Я-то вот, знаешь, сколько раз при смерти был? Ииии! Не передать! Жена-то моя померла, деток не случилось у нас с ей, я ж запил, а когда в себя пришел, ни квартиры у меня, ни денег, ничего не осталось. Какие-то бандиты подсуетились, да и отняли все. Так и живу на теплотрассе вот, да в подвалах, покуда не погонят. Шестой год уже. Сейчас вот в больницу попал, думал, помру совсем, да выжил... Видать, не время еще мне.

Я старалась дышать ровнее, но всхлипы нет-нет, да и вырывались из груди, а дед рядом все болтал и болтал, что-то рассказывал, какие-то глупости, ничего не значащие стариковские рассказы, периодически кашляя в кулак, да покряхтывая, потом вдруг опомнился.

– Обед скоро! – сказал он важным голосом, поднимаясь, – пропускать нельзя, выпишут скоро меня, там уже так не поешь вволю. Ты давай, девка, не раскисай, молодая, встретишь еще мужика толкового, да замуж выйдешь. Не кончилась жисть-то!

Проследив глазами, как торопливо, шаткой походкой спешит старичок к больничному корпусу, я поднялась на ноги. Реви-не реви, а надо как-то дальше быть. Не жить, это слово пока не хочется употреблять, а именно быть. Стараться дышать заново, привыкать, что теперь я одна. А ведь неделю назад еще строили планы с Пашей, как поедем на море

следующим летом, обязательно снимем там дом и будем купаться целыми днями в соленой воде, загорим до черноты, наедемся летних фруктов и овощей, напитаемся здоровьем, и с новыми силами в бой. Куда я теперь без него? Словно мир опустел. Какие-то люди вокруг, а я как в вакууме, будто зона отчуждения образовалась. И не хочу никого видеть.

Не помню, как добрела до автобусной остановки, уселась на заднее сиденье и уставилась в окно, ощущая, как слезы вновь заливают глаза. Мы на этом сиденье любили с Пашей ездить. Сиделись рядышком и обсуждали наши планы, или фильмы, которые смотрели, или еще что-то... Или просто молчали, улыбаясь друг другу словно чеширские коты.

Мир рухнул. Горло сдавил спазм, я еле продыхнула, стараюсь незаметно для окружающих смахнуть слезы. Приду домой, уткнусь в футболку с запахом мужа и уже там буду плакать, пока не забудусь сном.

Квартира встретила меня оглушающей тишиной. Скинув туфли, я прошла в единственную комнату и рухнула на разобраный диван. Сил, чтобы что-то делать, даже переодеться, совершенно не было. И слез почему-то не было. Я лежала в тишине, глядя перед собой в стену и вспоминала все, что случилось с нами.

Вот мы пришли с прогулки, сели пить чай, болтали... Ни-что не предвещало беды. Я пошла в комнату, засела с ноутбуком смотреть свой сериал, а Паша оставался в кухне, просматривал учебные материалы. Я краем уха слышала, что он

кашлял, потом пошел в туалет... Дальше все завретлось, как в каком-то сюрреализме. Резко и часто застучала крышка унитаза. Он там что, прикалывается? Что случилось? Отложив ноутбук, встала, постучала в дверь туалета, он у нас совмещен с ванной, но ответа не было, а стук продолжался.

– Паша?! – позвала я, думая, что он так шутит, а затем услышала хрип.

Откуда во мне взялись силы, я не знаю, так как дверь рванула на себя и одним махом выдернула замок, увидев, что мой муж бьется в каком-то припадке возле унитаза на коленях, опустив голову вниз.

Дальнейшие события слились в бесконечный кошмар – я звонила в скорую, тащила мужа из туалета в коридор, хотя он ростом почти два метра, а я всего 160см, пыталась делать ему сердечно-легочную реанимацию, но все безуспешно. Приехавшие врачи, узнав, что мы тоже врачи, два часа пытались завести сердце моего мужа. Не получилось. На вскрытии оказалось, что у него произошла тромбоэмболия легочной артерии... Внезапная и страшная смерть. И никак не защититься от нее, не уберечься, не предугадать.

Сию я теперь в нашей маленькой квартирке совершенно одна, ощущая холодную пустоту в сердце и душе. Как мне дальше жить? У нас было столько планов на будущее, столько совместных желаний... Мы ж как два попугайчика-неразлучника, а теперь я осталась с половиной кровотокащего сердца...

Наверное, если б у меня была мама, я бы рыдала сейчас у нее на коленях, но мы ж оба детдомовские, у меня родители разбились в аварии, когда я была совсем малышкой, а у мужа и вовсе никого не имелось, он подкидыш, мать так и не нашли, да и не пытались особо. Мы шли нога в ногу, сначала в школе за одной партой с первого класса, потом в мед поступали, единогласно решив, что хотим спасти жизни, отучились все шесть лет, вместе в ординатуру по хирургии пошли, столько планов было, столько надежд, и вот сейчас, когда уже остался последний рывок – доучиться, сдать экзамены и получить сертификат специалиста, мой дорогой умер.

Я сидела на краю дивана, не понимая, как дальше быть, тупо смотря в одну точку. Я никому не говорила о случившемся, ни однокурсникам, ни в учебной части, словно разом отупела и потеряла способность соображать. Ведь у нас же друзья есть, с которыми общались, одноклассники. Но никого видеть и слышать не хотелось. Итак придется идти в вуз, сообщать обо всем этом, потом смотреть, куда нас распределили. Как это все пережить? Еще и завтра урну забирать надо. Решение о кремации я приняла, так как не представляла, как копать могилу, как вообще на кладбище все организовать, а так, я смогу поставить прах дома и когда-нибудь со временем все же доехать до моря и развеять его там. Наверное, Паше бы понравилось.

Словно сомнамбула, я пошла в кухню, достала бутылку

водки, которую мы держали на всякий случай, откупорила крышку и отпила прямо из горла добрый глоток. Огненная жидкость прокатилась по пищеводу, я закашлялась, слезы брызнули из глаз. Хватая ртом воздух, открыла кран и жадно наглоталась воды, намочив и рубашку и брюки и волосы, свисающие до талии в беспорядке. Ненавижу их! Зачем мне теперь эти космы, если любоваться ими некому?

Вспомнив, как любил Паша зарываться лицом в мои локонь, вдыхать их аромат, как я ухаживала за природным богатством, стараясь угодить мужу, я со злостью скрутила на голове шишку и заколола палочкой от китайской еды. Боже, одни воспоминания! Почему я не умерла рядом с ним?!

От того, что раньше я не пила такой крепкий напиток, и что не закусила ничем, я быстро опьянела. Почувствовав, как накатывает ошеломляющая тупость, не умываясь, не переодеваясь, доползла до комнаты и рухнула на диван, забывшись беспокойным сном.

2

Крематорий встретил меня серыми стенами и абсолютно равнодушными сотрудниками, сухо выдавшими белую урну с прахом человека, которого я считала своей половиной. Глядя на то, что когда-то было улыбчивым парнем, я потерянно вышла на улицу и зажмурилась – август близился к концу, но лето еще не собиралось отступать, даря свои последние теплые деньки людям.

Крыльцо крематория было на удивление широким, сде-

ланным будто из белого мрамора или какого-то подобного материала, рядом была расположена пышная клумба и деревянная скамеечка вокруг нее, на которую я и уселась, скрючившись и стараясь не плакать.

– Соболезную, – услышала откуда-то сбоку голос.

Подняв голову и повернув ее в сторону говорившего, увидела мужчину, который, видимо, сидел здесь и раньше, да я не заметила, погруженная в свои мысли.

– Спасибо! – ответила глухо, после чего увидела, что рядом с ним тоже стоит урна-близнец той, что была у меня в руках. – И я вам соболезную.

– Спасибо, – кивнул он и сунул в рот сигарету, выпустив клуб дыма. – То, что нас не убивает, делает сильнее, так?

– Наверное, – я пожала плечами. – Ницше сошел с ума вскоре после того, как сказал это. Так что для кого как.

Что за странные разговоры со странным незнакомцем я веду? Думала, буду рыдать, захлебываясь, но отчего-то слез не было, хотя в груди жгло от боли.

– Пить будешь? – спросил мужчина, доставая откуда-то фляжку и протягивая мне. – Это нас точно не убьет, да и сильнее не сделает, но хоть немного облегчит горе.

– А давайте!

Во фляжке оказался коньяк или виски, я не очень разбираюсь в крепком алкоголе, он прокатился по пищеводу до желудка, который сжался и заурчал, недовольно намекая, что завтрака и обеда не было. Вот так, муж умер, а я думаю о

низменном – как бы поесть и выпить. Вернее, не думаю, оно отчего-то само.

Вернув фляжку мужчине, наблюдала, как и он сделал глоток, даже не поморщившись.

– Поминки и вся эта суета не для меня, – сказал он внезапно, покосившись в мою сторону. – Мать хотела, чтоб я пригласил прорву народу, но все эти люди противны мне. Не хочу их видеть.

– Ваша мама? – я кивнула на урну, стоявшую на скамейке.

– Да, – криво усмехнулся мужчина. – А у вас кто?

– Муж...

Мы помолчали, периодически делая глотки из фляжки, передавая ее друг другу. Мимо шли люди, кто-то рыдал, обнявшись, кто-то с каменным лицом, а мы все сидели и молчали.

– Пойдем? – спросил внезапно мужчина. – Хочешь напиться?

Напиться? А разве мы не уже это сделали?

Поднявшись на ноги, ощутила легкое головокружение и какое-то странное ощущение, что мир поплыл. Незнакомец подал мне руку, в которую я с удовольствием и вцепилась, обретая равновесие.

– Я знаю тут неподалеку бар один, там никому неинтересно, кто ты, что ты, просто сидишь и пьешь, если хочешь, – сказал он, удерживая меня.

Подхватив урны, мы направились к выходу с территории

крематория. Я шла рядом с этим мужчиной, чувствуя оцепенение и глухую боль. Он, видимо, ощущал то же самое, потому что пару раз мне показалось, что из груди его рвались то ли всхлипы, то ли странное бульканье. Но мужчины ж не плачут.

Бар оказался и в самом деле недалеко. Я знала о нем, здесь часто тусовались студенты с моего потока, но мы с Пашкой не ходили, считаясь ботанами. Просто у тех ребят были родители и возможность вести веселый образ жизни, мы же пробивали дорогу себе сами, поэтому на развлечения времени не оставалось.

«Подвал» – гласило лаконичное название, и я пошла вслед за мужчиной по ступенькам вниз.

В полутемном помещении не сразу удалось сориентироваться. Где-то в глубине находилась барная стойка, в стороне сцена, на которой, видимо, в другое время играли какие-нибудь музыканты, справа столики. Мы оказались единственными посетителями в столь ранний для желающих напиться час.

Пока я осматривалась, мой спутник, имя которого я даже не узнала, успел сделать заказ.

– Садись, – провел он меня вглубь к отдельной кабинке. – Скоро тут начнет народ подтягиваться, сегодня пятница, будет выступать кто-то. Посидим и уйдем, когда захочешь. Если что, туалет там, – он махнул рукой в сторону выхода.

Я кивнула и уселась на диванчик, пристроив урну рядом.

– Давай сюда, поставлю вместе, чтоб не забыть, – протянул руку мужчина. – Меня, если что, Алексей зовут.

– Лера, – я кивнула. – Очень приятно.

В голове шумело, тело приятно расслабилось в уютном месте. Может, люди за этим и ходят в такие места?

Нам принесли еду, какое-то мясо в виде отбивной, оказавшееся на удивление вкусным, овощи-гриль, что-то еще. Алексей в основном молчал, да и я не горела желанием общаться. Мы выпили за упокой души, помолчали, потом еще выпили, и как-то незаметно я выложила все этому практически первому встречному. И что только закончила вуз, и что были планы, а теперь я вообще не знаю, как жить дальше.

– Как-как, – проворчал он, – вот так и жить. Думаешь, жизнь остановилась? Тебе сколько там, двадцать три? Ну а мне тридцать три, я был женат, тоже думал, любовь на всю жизнь, как ты вот, на последнем курсе института. И что? Где она, та любовь? Родили ребенка, он пищал днями и ночами, я ишачил как мог, подрабатывал везде, чтобы через полгода понять, что нахрен мне такая жизнь не нужна. И женщина эта, жена моя, тоже оказалась к быту не готова. Сыну вон сейчас одиннадцать лет, это единственное, что нас связывает. Так что, как бы цинично не звучало, но жизнь продолжается. И ты продолжаешься, и не надо себя хоронить вместе с ним вот, – кивнул он на урну. – Давай выпьем за это.

Выпили. Потом еще раз и еще. Кажется, нам принесли еще бутылку. Краем уха я слышала, что в зале собирается на-

род, появились музыканты, раздались первые аккорды песни одной рок-группы, которую периодически крутили на радио.

– Ты как там, не спишь еще? – спросил Алексей, подметив, что я начала отрубаться. – Поехали домой.

– Поехали, – заплетающимся языком произнесла я и хихикнула, – не пила никогда, это так... интересно. Ощущения, что мое тело легче перышка.

– Тебя шатает, перышко! – проворчал мужчина, вызывая такси в приложении. – И ты совсем не пушинка, если что.

Мы выбрались наружу из «Подвала». Когда успело пролететь столько времени? Ночь вступила в свои права, всю стрекотали кузнечики, ярко мерцали звезды на чернильно-синем небе.

Я стояла рядом с Алексеем, шатаясь и зевая. Холодный ветерок коснулся моих плеч, заставив поежиться. Неприятные мурашки поползли по телу.

– Где это такси? – выругался вполголоса мужчина, глядя в экран телефона. – Ползет еле-еле. Сейчас тебя завезем, потом я домой. Согласна?

– Да, – кивнула, вновь зевая.

Страшно хотелось спать, и последнее, что я помню – как погрузилась в пахнувший кожей салон автомобиля, а дальше сплошной провал.

Проснулась, вернее, очнулась от ощущения холода и позывов мочевого пузыря. Кое-как разлепив глаза, но ничего не видя в крошечной тьме, села, спустив ноги на пол. Голо-

ва кружилась, во рту было сухо, как в пустыне. И холодно. Почему такой дубак, вроде, лето на дворе? Поднявшись, по привычке свернула направо и больно треснулась лбом обо что-то твердое. Что это?

Руки мои нащупали стену. Стену???. Но у нас дома нет стены в этом месте.

Так, Валера, ты не дома. Это раз. Ты все еще, похоже, пьяная, это два. И очень хочешь писать, это три. Третья проблема была весомее всех других, потому следовало побыстрее найти туалет, а дальше уже попытаться поразмышлять.

Передвигаясь вдоль стеночки (ну должна ж она закончиться когда-нибудь?!), я медленно стала искать выход. Пыталась оглянуться на кровать, и у меня это даже получилось, однако, кроме тьмы ничего не увидела. Ну дела! Нет, все-таки алкоголь губит людей. Это ж надо так напиться, чтобы не помнить, где я и как тут оказалась!

Слава всем богам, мне повезло – выход нашелся быстро. Все также медленно передвигаясь вдоль стены, держась за нее рукой, я ползла по коридору, если это был коридор, и мрачно размышляла на тему «кто виноват?» и «что делать?». Внезапно под потолком зажегся свет. Зажмурившись от неожиданности, я застыла, словно журавль, не успев опустить ногу, затем прикрыла глаза рукой и выглянула сквозь пальцы.

Ой, мама! Где это я? Было подозрение, что я уснула в баре и меня там забыли на диванчике, но теперь следовало при-

знать – на бар это место походило менее всего. Скорее, на квартиру. Квартирищу даже, ибо стало понятно, что я стою посреди гигантского холла с высокими потолками, вниз идут ступени лестницы, а по обеим сторонам два широких коридора с несколькими дверьми. Собственно, из одной я сейчас и вышла. Голая. Зеркало беспощадно отразило всю меня – мелкая, худая, вся в пупырышных мурашках, из одежды – волосы, которые прикрывали попу. Бл*дь!

Шмыгнув к приоткрытой двери, откуда, собственно, вышла, я распахнула ее пошире и замерла – на кровати, которую сейчас стало видно яснее ясного, спал кверху попой, голый попой, надо заметить, мужчина. Вернее, не просто мужчина, а Алексей. И, судя по тому, что и я и он были голые и в одной постели, то... Божечки, какой стыд! Я переспала с мужиком, и даже не помню этого! Напилась и занялась сексом, как... как... В голове вертелись одни нехорошие слова. А если он болен? Хотя, если мы в таком домище, вряд ли он болен, такие богачи следят за своим здоровьем. Но меня-то он приволок! Вдруг не только меня?

Мысленно заскулив, я огляделась, подозревая, что то место, о котором мечтал мой мочевоy, находится где-то поблизости, и угадала – слева были две двери. Подкравшись к одной, распахнула и поняла – ошибка. Ровными рядами там висели мужские вещи. Гардеробная. Следующая дверь вела в нужное помещение.

Закрывшись, я подошла к зеркалу и уставилась на себя.

Губы алые, волосы всклокоченные, на шее засос. Три засоса. На груди тоже. И между ног ноет. Эх, а была надежда на то, что мы просто уснули.

Скрутив волосы на затылке, я встала под душ и включила, едва не взвизгнув от ледяных струй, ударивших по телу. Ну и пусть! Зато отрезвит!

Полотенце нашлось тут же, в шкафу.

Не выключая свет в ванной, я распахнула дверь и оглядела спальню. Вещи мои нашлись почти в полном комплекте, за исключением трусов и лифчика. Где эти предметы гардероба – обнаружить не удалось. Зато урны с прахом Паши и мамы Алексея оказались пристроены на комод. Благо, фамилия, написанная черным маркером на белом пластике, позволила идентифицировать без труда мою.

Одевшись и натянув балетки, я прокралась к выходу из спальни, спустилась на первый этаж, поражаясь роскоши, а затем выскользнула в дверь, вертя головой во все стороны. Так, судя по всему, мы в Сосновке, коттеджном поселке за городом. Вон и охранник. Я почему знаю – мы сюда ездили на втором курсе помогать одногруппнику Игорю вещи перевозить от отца на съемную квартиру. Тут и охрана есть. Будет очень неприятно, если меня заметят.

Но хоть в этом повезло – выбравшись через шлагбаум незамеченной, я отошла подальше и только там вызвала такси. Надеюсь, мы с этим Алексеем не обменялись номерами телефонов, ибо хотелось побыстрее забыть этот позор и ни-

когда не возвращаться к нему даже мысленно.

3

Как я в то утро добралась до дома – отдельный разговор. Телефон показывал 4:30, когда я, стуча зубами от холода, выскочила на дорогу, шатаясь от выпитого алкоголя и ощущая туман в голове.

Обхватив себя руками, пыталась вызвать такси, но, как назло, ни одной машины мне приложение не показывало. Вот же гадство! Пришлось идти пешком по обочине, чувствуя себя героиней дурного фильма. Напилась! С незнакомым мужиком! Переспала с ним! Как не потеряла урну с прахом при этом – неизвестно.

Мне было очень стыдно, я чувствовала себя грязной изменщицей. Паша ведь был моим первым и единственным мужчиной, умер буквально недавно, а я уже...

Ругая себя самыми страшными словами, я даже не услышала, как рядом остановилась машина.

– Эй, куда чешешь в такую рань? – послышался женский голос. – Садись, подвезу, а то до города будешь добираться пешком больше часа.

Обернувшись, я увидела женщину лет пятидесяти на старой советской машине под названием «Самара». Она была похожа на торговку с рынка, и, судя по всему, так оно и было, так как все заднее сиденье и багажник были заняты ящиками с овощами. По дороге она болтала без умолку, вываливая на меня подробности своей рабочей жизни, что клиенты

пошли мелкие, денег у людей нет, и покупают все больше в сетевых магазинах всякое дерьмо, а у нее овощи все свои, сил вложено немало, продавать дешево она не собирается. От такого скучного монолога я сама не заметила, как опять провалилась в сон.

– Девка, где тебя высадить-то? – голос женщины сверлом ворвался в мозг.

Разлепив глаза, захлопала ими, озираясь. Мы заехали с восточной стороны города, мне надо было на северную, не очень далеко. Да и автобусы должны уже скоро начать ходить, рабочий день же. Вышла я на остановке, пообещав, что буду всех отправлять на Колхозный рынок за овощами, поежилась – все-таки осень заявляет о своих правах, затем побрела к скамейке и уселась на нее. Вот что я за везунчик такой, а? Только поверила, что жизнь налаживается, что скоро все будет хорошо, закончились голодные студенческие времена, когда мы с мужем вынуждены были работать сначала санитарями в больнице, потом я медсестрой, он медбратом, дежурили бесконечно, в перерывах зубря материал по учебе, пытались даже копить на машину, и тут такой удар судьбы! Я снова на старте. Хорошо, что после детдома нам выделили по однокомнатной квартире каждому, мы их продали и купили двушку, хоть и в хрущёвке, но свою, и даже успели там мебель обновить и ремонт. Паша рукастый был, все сам умел, и врачом бы был отличным.

Чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы, я едва не

проворонила старенький пазик, с фырчаньем подъехавший к остановке. Уже усаживаясь на сиденье, подумала, что опять выбрала наше место. Балда! Сплошные воспоминания!

Квартира меня встретила тишиной. Ну почти, если не считать работающего с негромким гулом холодильника.

Поставив урну на комод, я сказала:

– Ну вот и все, Паш, мы дома. Сейчас чай попью и спать лягу, надо как-то выспаться, чтобы... чтобы...

Слезы начали душить меня. Свернувшись в комок на диване, прижав подушку к животу, я рыдала, повторяя как заведенная:

– Как я без тебя? Как я без тебя?

Зубы стучали, слезы лились и лились нескончаемым потоком. Я ощущала себя такой одинокой, будто была вообще одна в целом мире. По сути, так оно и было, родственников у меня нет, друзей близких тоже, я даже не знала, как вообще живут одиночки. Господи, если ты есть, забери меня тоже к себе! Хочу быть вместе с Пашей, где бы он ни был!

Но бог был равнодушен к моим мольбам. До самого вечера я лежала сломанной куклой на диване, сил встать и пойти просто попить воды не было, полнейшая апатия и какое-то оупление. Я смотрела на урну и вспоминала все, что было между нами все эти годы, всю радость и все счастье, лучшие моменты моей жизни. Как я дальше смогу без Пашки? Как я буду жить, а он нет?

*****

Следующие три дня я предавалась унынию. Вставала, чтобы закинуть в себя немного еды, прожевать, и вновь ползти в берлогу. Ни умываться, ни расчесываться не хотелось. Я тупо смотрела в потолок и вяло думала о будущем. Правда, нет-нет, да и всплывали воспоминания об Алексее, но я гнала их прочь. Нет, не хочу даже думать об этом! Надеюсь, он тоже обо мне не вспоминает, проснулся утром, выдохнул с облегчением, что девица сама свалила, и живет себе дальше в своем шикарном домине. Тем более, ему 33 года, это ж разница у нас десять лет!

– Валера, прекрати! – простонала я в подушку, закрывая ею лицо и сжимая кулаки.

Совість, конечно, до сих пор меня мучила. И в голове вообще не укладывалось, как я так умудрилась напиться, что ничего не помнила. Даже погуглила, может ли такое быть, и выяснила, что, оказывается, многие люди после пьянки не могут вспомнить, где, с кем и как. А у одной дамы даже произошла трагикомическая история – она с утра решила причесать волосы и обнаружила, что что-то ей мешает в волосах. Оказалось, это нож! В черепе! По самую рукоятку! Не знаю, чем там дело закончилось, но женщина из разряда счастливиц, похоже, обезболилась настолько, что не заметила столь мелкого события в жизни, и выжила.

Я тоже выжила, только теперь, словно герань в горшке, веду растительное существование. Как, интересно, люди выбираются из депрессии без лекарств? Наверное, надо найти

какой-то интерес, только что мне может быть интересно без мужа? Мы раньше вместе смотрели фильмы, сейчас я пробовала – не пошло, ходили гулять, но я боюсь выйти на улицу, встретить кого-то и услышать вопрос о Паше, по магазинам – зачем мне туда без него? Остался один вариант – работа. Вернее, моя ординатура по хирургии. Наша совместная мечта. Мы хотели закончить учебу и поехать куда-то в глубинку России, где нет врачей, мечтали помогать людям, сделать более доступной медицинскую помощь. А теперь что? Я – будущий хирург, только куда я одна?

Наверное, будь у меня родители, мне бы было легче, но их не было. Надо самой брать себя за шкурку и постараться жить ради мечты.

– Я сделаю все, как мы планировали, Паш! – обратилась я к фотографии мужа. – Я выучусь, получу сертификат, и обязательно буду помогать людям за нас двоих!

Мне показалось, что я почувствовала одобрение, словно мне ответил дух Павла. Конечно, это все было не так, но пока легче было верить в то, что душа рядом со мной, что где-то здесь еще мой любимый, и что он слышит все, что я говорю. Я разговаривала с ним, будто он был рядом и мог мне ответить, в ванной все также стояли наши зубные щетки вместе, его бритва, в прихожей – кроссовки, словно он вышел и вот-вот вернется домой. Даже футболка его грязная лежала кучей возле кровати. Я ругалась обычно по поводу разбросанных вещей, но сейчас была рада, так как смогла вдохнуть

родной запах, представить, что обнимаю не вещь, а живого человека.

Телефонный звонок вырвал меня из какого-то полусна. На экране я увидела, что вызывает староста группы ординаторов, Наташа Смирнова.

– Привет, Лер, – начала она, едва я нажала на кнопку «ответить». – Завтра двадцать седьмое, нам надо собраться в больнице, чтобы куратор распределил по отделениям. У вас пожелания там есть? Куда вы с Пашей хотите, в какое? Я ему звоню, но телефон недоступен.

Я замерла, стараясь вдохнуть, так как горло сдавило спазмом. Ну да, я ж никому не сообщала...

– Паша умер, – ответила сухим голосом и бросила трубку, откинув гаджет на кровать.

Не могу сейчас разговаривать! Кинувшись в ванную, включила воду и стала умывать лицо, чувствуя, как щиплет вода опухшие от слез глаза. Почему так? Почему бомжи и всякие такие личности живут и радуются, а молодой парень, который даже не курил, умер? Но на этот вопрос не было ответа.

Вернувшись в комнату, я услышала, как пиликнул мессенджер. Наташа писала извинения, соболезнования и сказала, что завтра необходимо подойти к восьми утра к кабинету кафедры общей хирургии в краевой больнице. Да, вот так, Паша умер, а жизнь продолжается. И я продолжаюсь...

*****

Больница встретила меня запахом дезсредств, шумом, спящими пациентами и медработниками, которые с деловым видом шли по своим делам.

Мы собрались группой возле кабинета, я стояла чуть поодаль, стараясь успокоиться и дышать ровно, не допуская слез. Нет, не буду здесь плакать, надо держать себя в руках. Я сильная, я справлюсь.

Наташа просмотрела списки, сверила присутствующих. Все были на месте, кроме Паши. Куратор нашей группы, доцент кафедры общей хирургии, Ольга Александровна Белолецкая, пришла ровно в восемь, ни минутой раньше или позже. Окинув нас строгим взглядом, эта сухощавая женщина лет пятидесяти открыла дверь кабинета, вошла в него и оглянулась.

– Доброе утро! Чего застыли? – сказала она недружелюбным голосом. – Заходите!

Мы зашли, рассевшись кто где, а после получили «наставления» в виде слов, что нас особо никто не ждет, что мы нужны только затем, чтоб писать истории болезни за врачей, а в операционную не прорваться, если только за спиной постоять и пару раз в рану заглянуть. О том, чтобы хотя бы крючки подержать (ассистирование на операции – прим.авт), и мысли можно не допускать на первом курсе ординатуры, а на втором уж как получится, возможно, что и допустят в святая святых -операционную в качестве ассистента хирурга.

– Как же мы научимся? – пробасил Гриша Плотников,

огромный парень в очках. – За спиной и с ручками?

– Это мои проблемы, Плотников? – брезгливо осведомилась Ольга Александровна. – Я лично дежурила с врачами, ходила хвостом, в перевязочной пропадала, показала себя как надежный человек. И мне стали доверять. Если вы будете сидеть на жопе ровно, то никто к вам не подойдет. Так что все в ваших руках.

Окинув нас взглядом, доцент вздохнула, качнув головой. Мы явно не внушали ей доверия.

– Давайте займемся распределением. Смирнова, списки приготовила?

Наташа молча протянула ей листок с фамилиями.

– Пожелания имеются, кто с кем хочет работать? – осведомилась Белолецкая.

Мне было все равно. В итоге, меня распределили в пятое хирургическое отделение – челюстно-лицевое с отделением реконструктивной хирургии. Вообще, на этих хирургов учатся по отдельной программе, но в этом году отчего-то желающих не возникло, поэтому нас с Гришей отправили туда. Он особо не протестовал, я тоже.

– Заведующего зовут Денис Сергеевич Ланцов, он сейчас в отпуске, его замещает Алексей Александрович Шиловский, – вздохнула Ольга Александровна. – Они там вам не особо обрадуются, эти небожители. Но ничего, если себя покажете, то, возможно, научитесь многому. ЧЛХ дежурят каждый день, травмы и операции у них интересные, так что

увидите многое. А если повезет, то и в святая святых сходите – в операционную реконструктивной хирургии. В общем, удачи вам!

– Идем? – Гриша как-то неуверенно поправил очки на носу и нервно почесался. – Слышал я про это отделение, говорят, там нос задирают и ничего не дают делать. Может, нам повезет?

– Думаешь? – я нажала на кнопку лифта с цифрой 9 и посмотрела на коллегу. – Может, повезет, а может и нет. Узнаем. В крайнем случае, попросимся в другое отделение.

Мы доехали до самого верхнего этажа и направились в нужное нам отделение. Длинный коридор встретил грохотом каталки – уже кого-то катили в операционную, нам навстречу шел врач в медицинской шапочке и маске.

– Куда идете? – спросил строго.

– К заведующему, – пробасил Гриша. – Мы – ординаторы первого года!

– Ну попробуйте! – как-то недобро усмехнулся доктор, кивнув нам на дверь с табличкой «Заведующий отделением, к.м.н., Денис Сергеевич Ланцов», после чего скрылся за дверью предоперационной.

– Пошли, что ли? – вздохнула я, постучав кулаком в дверь.

Услышав «войдите», открыла и замерла на пороге – за столом сидел тот самый мой собутыльник Алексей. Он поднял голову от бумаг и вскинул брови, оглядывая с ног до головы сначала меня, а затем и моего спутника.

– Здравствуй... те, – пролепетала я, отступая на шаг и вре-
заясь спиной в грудь Гриши.

4

Я прям почувствовала, как взгляд моего недавнего любов-
ника заledenел, едва он узнал меня. Похоже, память отру-
било только мне, а этот вот дяденька тридцати трех лет, по-
чти почтенный старец по сравнению со мной, все помнил. А
говорят, чем ближе пенсия, тем хуже память! Врут, судя по
всему, бессовестно. И что теперь делать?

– Ордinаторы? – уточнил Шиловский хмуро, затем кив-
нул нам на стулья напротив себя. – Садитесь.

Гриша засопел, всколыхнулся весь, подталкивая меня
своим мощным животом вперед, и ничего не оставалось, как
просеменить по скрадывающему шагу паркету к указанному
месту и присесть, сведя колени и глядя перед собой в одну
точку.

Взгляд мой невольно сместился на руки ВрИО заведую-
щего, пальцы с аккуратными ногтями, далее скользнул к пле-
чам и шее, волоскам на груди, проглядывающими через вы-
рез в хирургической пижаме темно-синего цвета с вышитой
игуаной на кармашке.

– Меня зовут Алексей Александрович Шиловский, я вре-
менно заведую отделением, – голос мужчины был ровным и
спокойным. – Рабочий день у нас начинается в семь трид-
цать утра, значит, вам необходимо прибывать к семи, чтобы
успеть переодеться и прийти на пятиминутку, которая про-

водится ежедневно в семь двадцать. Отсутствие в это время автоматически причисляется к прогулу, в этот день можете не приходить вообще, ну и лучше бы забыть потом о нашем отделении. Операционный день с восьми, у нас две операционных, одна для пациентов с патологией челюстно-лицевой области, вторая для реконструктивных вмешательств. Если вы себя зарекомендуете как надежных специалистов, то сможете ассистировать мне и другим докторам во время операций. Поблажек не ждите. Работаете наравне со всеми. Надеюсь, правила этики и деонтологии объяснять не надо? Коль уж доучились до ординатуры, значит, должны понимать. Все комментарии и вопросы по поводу состояния пациентов только лично лечащему врачу и без присутствия больных. Как вас зовут?

– Валерия Игоревна Миронова, – избегая смотреть Алексею в глаза, сказала я.

– Григорий Юрьевич Плотников, – пробасил Гриша, снова нервно поправив очки.

Как он вообще подался в хирургию? Огромный, неуклюжий, несуразный... Но умный, этого не отнять. Закончил с красным дипломом, средний балл – 5.0.

– Костюмы взяли с собой? – поднялся из-за стола заведующий. – Пойдемте, провожу в раздевалку, покажу вас старшей сестре, ну а официально представим завтра на пятиминутке.

– Завтра только двадцать восьмое же! – Гриша, похоже,

еще не понял, что мы попали в ад.

– И что? – не дойдя до двери, остановился Алексей Александрович, обернувшись. – Я никого не держу, можете отдыхать, Плотников, но в наше отделение вам будет вход воспрещён. Арбайтен, детки, чтобы стать хирургом, надо пахать. У вас, кстати, Валерия, надеюсь, времени свободного много?

Я кивнула, не понимая, для чего ему мое свободное время.

– Отлично! Тогда сегодня дежурите со мной. Вкусите всех прелестей хирургии нашей области. А вы, Плотников, готовьтесь сменить вашу коллегу завтра.

Что??? Но я не готова! И вообще, как это – дежурить? Первый день только! Почему не Гриша? Почему я???

– Лето – время отпусков, – пояснил нам заведующий, идя по коридору чуть впереди. – Так я обычно не дежурю, но летом приходится. И лишние руки мне не помешают. Люди любят дожидаться ночи и явиться к доктору с жалобами. Ну и битые-грабленные тоже, куда ж без них.

Мы свернули по коридору направо, к палатам. Там был кабинет старшей медсестры, кругленькой женщины-блондинки с короткой стрижкой. Она встала нам навстречу из-за стола, и стало понятно, что бюст этой дамы в объёме явно около полутора метров. Внушительно! Куда мне с моей единичкой!

– Елена Александровна, наши ординаторы! – широко улыбнулся Алексей Александрович, шутливо махнув рукой. – Молодая поросль, так сказать. Будущие светила. По-

кажите им, где могут переодеться, дежурку, ну и все остальное. Пусть в перевязку сходят, Ольге помогут, Бориса Глебовича я предупрежу, что днем птенчики с ним будут. Я в операционную, пациент в наркозе уже.

Заведующий ушел, оставив нас переминаясь с ноги на ногу, ожидая указаний от дородной медсестры. Та оглядела нас, вздохнула, поджав губы, затем подошла к двери и вышла в коридор.

– Пойдемте, голуби мои сизокрылые, переоденетесь, а то словно инородные тела выглядите. Вы прям как в классике подобрались -Толстый и Тонкий! – хохотнула она.

Проводив нас к двери с табличкой «служебное помещение», Елена Александровна сказала занимать крайние в конце свободные шкафчики, после чего вышла.

– Что-то у меня мороз по коже от этого отделения, – пожаловался Гриша, с пыхтеньем стаскивая штаны и футболку и оставаясь в одних семейных трусах.

Живот его был большой и рыхлый, в каких-то мелких прыщиках. Заметив мой взгляд, парень смутился.

– Надо худеть, – вздохнул он. – Но я как представляю себя на диете, сразу жрать хочется в два раза сильнее.

Я была благодарна ему, что о Паше он не задавал вопросов, так как подозревала, что просто расплачусь и не смогу ответить. То, что мне пришлось выйти из дома и вливаться сейчас в новую обстановку, должно встряхнуть и вырвать из кокона горя, хотя я не знала, сколько должно пройти време-

ни, прежде чем я смогу без боли говорить об умершем муже.

Мы переоделись в хирургические костюмы, я специально себе купила новый, дорогой, чтобы не выглядеть замухрышкой на фоне врачей, а Гриша, похоже, не заморачивался, натягивая старые штаны и рубашку.

Выйдя из раздевалки, наткнулись на поджидавшую нас старшую, которая кивнула:

– Ну идемте, сначала покажу дежурку, познакомлю вас с Борисом Глебовичем, он у нас днем и швец и жнец, как говорится, пока все остальные оперируют, а потом пойдете в перевязочную, там Ольга Евгеньевна, медсестра, покажет вам все остальное.

Дальше день покатился с сумасшедшей скоростью. Сначала мы познакомились с похожим на старого алкоголика врачом, который взглянул на нас красными глазами, сухо кивнул и углубился в какие-то бумаги, лежавшие на столе, а затем пошли в огромную светлую комнату с тремя стоматологическими креслами и кушеткой. Там была царицей Ольга Евгеньевна, явно не обрадованная нашим прибытием.

– Сейчас буду перевязывать больных, – сказала она, – а вы стойте и смотрите. Завтра уже можете поучаствовать. Мария Сергеевна, ординатор второго года, с удовольствием передаст вам эту обязанность. А то она разрывается без помощи тут. И оперировать хочется и больных вести нужно.

К четырем часам дня мне начало казаться, что ноги превратились в огромные колодки. Мы три раза ходили в при-

емный покой, где Борис Глебович принимал сначала пациента с переломом челюсти, затем зашивал рану на лбу у попавшего в ДТП мужчины, потом успокаивал истерично орущую даму, которой показалось, что у нее лопаются пузыри в челюсти.

Мы вернулись в ординаторскую, буквально рухнув на кожаный диван, ощущая, как ноги гудят от бесконечной беготни, а затем Гриша сказал:

– Я даже забыл, что не обедал.

– Вам полезно поголодать, Плотников! – услышали мы издевательский тон заведующего. – Ну и можете идти домой, рабочий день у вас до пятнадцати сорока двух. Отдыхайте, завтра ваша смена. А вы, Миронова, чего сидите? Почему пациент с переломом челюсти до сих пор не осмотрен и не шинирован? Вернее, вами не шинирован. Мария Сергеевна делает это сейчас и очень возмущается, отчего такие привилегии ординаторам первого года. Вы дежурите сегодня, не забыли? Все экстренно поступившие пациенты ваши. Работайте! Шнель, шнель, Миронова! Чего застыли?

Я вскочила с дивана, едва не врезавшись в ехидно усмевающегося Алексея Александровича и понеслась в перевязочную, где, как оказалось, вышедшая из операционной Мария шинировала перелом. Надо сказать, не очень приятное зрелище. Я пару раз порывалась помочь, но мне было сказано, чтоб не лезла, и я стояла молча, глядя, как ловко работает девушка. В ее пальцах были специфические для этой сфе-

ры медицины инструменты, которыми она ловко гнула проволочную шину, затем привязывала ее к зубам пациента и скрепляла резинками.

– Завтра сделаем снимок, – сказал она мужчине с налившимся фингалом под левым глазом, – там посмотрим, надо оперировать или хорошо отломки стоят. Идите в палату.

После того, как мы остались одни, девушка обернулась. Она была одного со мной роста, но крепче телосложением, с курносыйм веснушчатыйм носом, русыйми волосами, забранными под шапочку, серыйми глазами в обрамлении длинных пушистых ресниц.

– Как тебя зовут? – спросила, снимая перчатки и бросая в лоток с грязными инструментами.

– Лера, – ответила я.

– Здесь очень сложно, Лера, будешь хлопать ушами, вылетишь. Я не понимаю, почему вас вообще в наше отделение направили, у вас же ординатура по общей хирургии? Хотя, сейчас эти реформы в медицине. В общем, раз уж вам так повезло, старайтесь работать хорошо. У наших врачей связей много, зарекомендуете себя, они помогут с трудоустройством. Ты дежуришь сегодня? Алексей Александрович тебе спать не даст точно.

Из уст Марии это прозвучало весьма многозначительно. Судя по всему, этот Алексей Александрович уже однажды не давал мне спать, только я вот об этом не помню. Надеюсь, сегодня наше общение будет... иного рода, потому что спать

с ним я больше не намерена. Ну и потом, вдруг он в отношениях с кем-то? Такие взрослые мужчины обычно не одиноки, а он вон какой видный.

– Ну что? – голос заведующего позади заставил меня вздрогнуть. – Маша, справилась? Иди домой уже, устала же. Вон какая смена у тебя подрастает. Сегодня ее буду мучить.

– Спасибо! – заулыбалась под маской девушка, сверкая глазами. – Надеюсь, не сбежит она от вас завтра!

– Пусть попробует! – усмехнулся Шиловский.

Едва ординатор вышла, мужчина обернулся ко мне, смерив взглядом и тапки-кроксы, и костюм и вообще все, затем шагнул вперед, оказавшись на расстоянии сантиметра, глядя сверху вниз прямо в глаза.

– Ну что, Лера-Валера, ты ж уже сбежала от меня? – низким голосом спросил и усмехнулся, а затем поднял руку и взял сзади за шею, заставляя качнуться в его сторону и впечататься в грудь. – Подежурим сегодня? Или опять убежишь, забыв трусы?

Я не знаю, какой он вкладывал смысл в эти слова, но явно не имел в виду работу. Внутри меня вспыхнул какой-то огонь, сердце заклокотало, живот свело комком, ноги вмиг ослабели. Неизвестно, что бы произошло дальше, но в этот момент скрипнула дверь, впуская Ольгу Евгеньевну. Я отскочила от заведующего, надеясь, что медсестра не заметила, как он прижимался ко мне, и радуясь, что маска скрывает покрасневшее лицо. Боже, а ведь мне с ним дежурить!

– Есть хочешь? – спросил заведующий, когда мы вышли из перевязочной.

Он – холеный и невозмутимый, и я – мышь недобитая с ярко-красными щеками. Но есть хотела, да. Желудок от радости предательски заурчал.

– Я не брала с собой ничего, – буркнула в ответ. – Я не думала, что мы сегодня останемся.

– Хирургия – она такая, – хмыкнул Алексей. – Нежданчики часто бывают. А ты думала, тут ванильные пони в розовых облаках? Как тебя вообще понесло в такую специальность? Надо было на узиста идти, руки в тепле, пациенты от твоего вмешательства не умирают, да и вообще – встала и пошла после работы домой, а не вот это вот все.

Мы шли по коридору, я ощущала себя мелкой по сравнению с высоким и спортивным мужчиной. Да еще и не просто мужчиной, а моим случайным любовником. Если честно, я вообще не ожидала его встретить в больнице, да еще и в такой должности. Мой непосредственный начальник теперь. Как вести себя в подобной ситуации? Будь жив муж, я бы вообще не думала, что между нами что-то может произойти, но теперь мысли нет-нет, да и возвращались к спящему обнаженному Алексею. Он, судя по всему, тоже вспоминал ту ночь, и явно был доволен. Стыдобище! Вдруг я вообще храпела или вела себя как... как... да черт знает как кто! Угораздило же так напиться!

– Заходи! – дверь дежурки распахнули передо мной. – Я в обед заказал нам ужин, сейчас перекусим, а затем ты займешься тем, для чего я тебя сегодня и оставил.

Мой обалдевший взгляд этот охамевший мужик прокомментировал довольным хмыком.

В дежурке было довольно мило – кухонный уголок, шкаф для посуды и продуктов, микроволновка, раковина с тумбой, а еще диван с подушками. Один. То есть, для врача тут предусмотрено место отдыха, для рабов, то есть, ординаторов, нет. Я понял, это намек, я все ловлю на лету, как говорится!

Алексей Александрович уже шебуршал пакетом в холодильнике, выуживая две пластиковых емкости и водружая их в микроволновку, затем щелкнул кнопкой чайника и уселся на диван, похлопав ладонью рядом с собой.

– Чего застыла, Миронова? Хороший врач должен каждую свободную минутку, коих у него не так много, использовать для отдыха. Садись давай, не скромничай.

Я присела максимально далеко от заведующего и тут же ощутила, как его рука, покоившаяся на спинке, скользнула мне в скрученные на затылке волосы.

– Хорошо! – зажмурился мужчина, откидываясь назад и скрещивая ноги в кроссах. – Сейчас затишье временное, но скоро поползут страждущие. Ты как вообще, шить умеешь?

Я хлопнула глазами. Шить? Он же не про штопанье носков сейчас?

– Ну, пару раз на губке тренировалась, – буркнула смущенно в ответ. – Если это как-то поможет в деле.

– Чему вас только учат в ваших этих нынешних реалиях? – вздохнул Алексей, поглаживая мою шею сзади.

Я отстранилась и вскочила, услышав звяканье микроволновки.

– Я достану! – воскликнула высоким голосом, пряча лицо.

Ну вот что ты за дура, Лера? Ведешь себя как малолетняя курица! Надо будет завтра пойти к куратору и попросить ее перевести меня куда-нибудь в другое отделение. Невозможно ж будет находиться с этим вот товарищем, который явно настроен на продолжение наших ночных приключений. А я что? Как я могу противиться ему, если уже все, что могла, позволила?!

В микроволновке я увидела два одноразовых пластиковых контейнера с едой. В одном была курица с картошкой, в другом плов.

Пока я суетилась, доставая их и водружая на стол, потом рылась в шкафу в поисках кружек, затем наливала чай, заведующий следил за мной сквозь полуопущенные веки, сидя все также с вытянутыми и скрещенными ногами. Хорош, гад такой! Выше меня головы на две, подтянутый, ни грамма лишнего жира, видимо, в спортзале много времени проводит, с черными короткими волосами, какими-то серо-сине-зелеными глазами, загорелой кожей, аккуратной ухоженной бородой. Наверное, девчонки от таких вот экземпляров

должны млеть. А он еще и хирург, что только добавляло очков в глазах поклонниц. И без кольца на пальце, что немаловажно. Хотя, он же говорил, что был женат, вроде, и разошелся. Плохо помню тот наш вечер.

– Готово! – провозгласила я, оборачиваясь на него.

Едва мы взялись за вилки, как стационарный телефон разразился трелью звонка.

– А еще даже не вечер! – недовольно сказал Алексей, снимая трубку. – Слушаю, Шиловский!.. Так!.. Откуда?.. Давайте в перевязку его, иду! – потом посмотрел на меня, жующую картошку. – Ну что, Лера-Валера, начались трудо выебудни! Пошли работать.

Пришлось вставать, откладывая вилку и мысленно испуская стон. С другой стороны, чего я хотела? Ванильных пони и розовых облаков, как мне уже сообщили, не будет, да я и не ждала.

Мы спустились с девятого этажа пешком и по коридору прошли в приемное отделение. Сегодня был дежурный день в больнице, что означало, что всех пациентов терапевтического и хирургического профиля скорые везли к нам. Особенно пользовался популярностью так называемый «люкс», хотя это было название помещения, в котором размещались благоухающие парами алкоголя и немывтыми телами люди. Один такой товарищ ожидал нас в перевязочной. Сначала я даже не поняла, мужчина это или женщина, так как одет человек был в бесформенные брюки, цвет которых я могла

расценить как серо-коричневый, с грязными пятнами, в растянутом свитере – летом!, на голове колтун из слипшихся от крови и грязи волос. Лицо пострадавшего, одутловатое и расцветенное почти всеми цветами радуги от багровых до желтых, выражало страдание.

– Добрый день, СейСаныч! – большой медбрат с бритвой в руке колдовал над матерящимся грубым голосом пациентом. – Вот, привожу клиента в порядок.

– Не клиента, а клиентку! – прокуренным басом поправила женщина его.

– Добрый день, – Шиловский натянул перчатки, взяв их из высокого стеклянного шкафа и кивнул мне сделать то же самое. – Нейрохирургов звали?

– Уже смотрели, сейчас вот кт пошли глядеть, сказали, вы свое зашьете, потом они свое. Я тут лоток набросал вам, вы с ассистентом сегодня же. Помощь нужна?

– Нет, справимся, Миш, иди!

Когда медбрат вышел, хирург велел женщине лечь на кушетку и принялся осматривать раны.

– Как так получилось-то у вас? – обратился он к шипящей от боли даме.

– Как-как! – хмыкнула та. – Не дала я ему, да и все. А он битую схватил и давай херачить меня, козел! – грязно и нецензурно выругавшись, женщина подняла глаза. – Вы уж там покрасивше зашейте.

– Аллергии на лидокаин нет? – беря в руку шприц с на-

бранным лекарством, спросил врач и, получив отрицательный ответ, принялся обезболить рану на лбу.

Я стояла молча, промакивая кровь вокруг раны салфеткой, наблюдая, как ловко Алексей шьет рваные края тонкой нитью голубого цвета, как вяжет микроскопические узелки, а затем клеит пластырь и осматривает раны на голове.

– Жить буду, доктор? – кокетничает с ним пострадавшая.

– Будете, конечно! И рана заживет так, что незаметно станет, она возле брови у вас. Вы лежите еще здесь, сейчас еще доктор подойдет, расскажет вам, что там с головой.

Как раз в этот момент распахнулась дверь, впуская шкафоподобного мужчину в белом костюме.

– Ну что, Лариса Петровна, чисто все в головушке, – пробасил он. – Домой поедете сегодня. Сейчас рану подлатаем, да справку дадим.

– Вы уж, доктор, напишите, что упала я сама, – вдруг засмущалась она. – А то Петька-то мой убьет меня, если менты придут. Да и негоже так, че мы, не люди, что ли! Сами разберемся!

– Пойдем, Валера! – кивнул мне Алексей, стягивая со звонким шлепком перчатки и бросая их в ведро с желтым пакетом с надписью «отходы класса Б».

– А наши не остались сегодня, – пожаловался нейрохирург, кинув косой взгляд на меня. – Все-таки, у вас поэлитнее ординаторы будут!

– Воспитывать надо уметь! – заулыбался под маской мой

заведующий.

Мы вышли в коридор и направились в помещение за стойкой, огороженное стеклом, где было много народу в хирургических пижамах и белых халатах. В холле то и дело мелькали сотрудники скорой помощи, ходили пациенты, кто-то сидел на скамеечках, ожидая своей очереди.

Алексей выхватил из стопы листков смотровую карту и показал мне, как заполнять, после чего мы вышли в коридор и направились в сторону лифта.

– И такая дребедень целый день! – процитировал он Чуковского. – Поесть бы успеть.

К ночи я решила, что успеть поесть – это явно не сегодня, так как мы едва успевали дойти до своего этажа, как вновь звонил телефон, и мы шли либо в приемник, либо в рентген-кабинет, либо в перевязочную. Около двенадцати привезли ножевое ранение в шею, мы спустились почти бегом по лестнице в операционную. Я встала возле стеночки, а Алексей вымыл руки и скользнул в голубой халат, подставленный медсестрой.

– Работаем! – коротко сказал анестезиолог, кивая ему и второму хирургу.

Кровотечение было остановлено не сразу. Оказалось, мужчину ранили длинным острым ножом, и врачам пришлось даже вскрывать грудину, чтобы добраться до самой раны в сосуде. Переводили пострадавшего в реанимацию, увозя на каталке, мы пошли следом, и Алексей Александров-

вич долго писал историю болезни, протокол операции, а затем уже сказал:

– Ну если мы и теперь не поужинаем, я буду готов убивать!

Часы показывали почти два часа ночи.

Конечно, и плов, и картошка давно остыли, как и чай. Мы съели все, не разогревая, после чего мужчина завалился на диван и похлопал рядом с собой.

– Иди сюда, Лера-Валера, хоть ноги вытянешь. Знатное у тебя первое дежурство, сразу все увидела.

Я упрямо мотнула головой, мол, мне итак хорошо на кухонном диванчике. Но заведующего это не устроило.

– Надо уметь отдыхать! – заметил он, глядя на меня прищурено. – Выключай свет и иди сюда. До утра еще могут вызывать, а завтра операционный день. Надо хоть подремать чуток.

Если до этого я чувствовала, что хочу спать, то сейчас сон как рукой сняло. Лечь с ним?

– Может, я в палату пойду свободную? – робко поинтересовалась у него.

Когда работала медсестрой, мы могли прилечь в палате на свободной койке, оставив на посту записку для пациентов, где искать сестру.

– Нет свободных, – зевнул он, прикрыв рот рукой. – Давай-давай, не ломайся. Если пообещаешь не приставать, конечно. А то знаю я вас, девчонок, чуть что, сразу лезете целоваться!

Я неожиданно хихикнула, после чего с сомнением взглянула на узкий диван. А где другие ординаторы отдыхают, интересно? Та же Маша? Или они тут так все в обнимку и спят?

Алексей повернулся на бок и выжидательно глянул на меня. С другой стороны, чего мне теперь ломаться? Все, что могло бы случиться, уже случилось. Синяк на груди вот недавно сошел, а засос на ключице еще «радовал» взгляд.

Я подошла к дивану, села, скинув тапки, после чего легла тоже на бок и тут же почувствовала, как меня притянули к жаркому мужскому телу сильной рукой, впечатывая ягодичами.

– Попалась?! – опалило мне шею дыхание.

6

Замерев на месте, я ощущаю, как пальцы Алексея ощупывают мои слишком выступающие ребра, смещаются на плечо, скользят вдоль ключицы. Обхватив рукой подбородок, мужчина поворачивает мою голову к себе и внезапно впивается жарким поцелуем в рот. От неожиданности я вздрагиваю, и в следующий момент чувствую, как мою нижнюю губу прикусывают.

Ощущения в теле похожи на растекающуюся лаву. Что это со мной? С мужем никогда такого не было. И это кажется стыдным и пугающим. Я дергаюсь и в следующий миг падаю на пол, больно ударяясь копчиком.

– Не надо! – вскакиваю, выставляю руку вперед и отступаю назад.

В разбавленной светом луны темноте, к которой привыкли глаза, я вижу взгляд Алексея, направленный на меня, и не могу понять, приятно это или нет. Еще сорока дней не прошло, как похоронила мужа, а уже прыгнула в койку к другому и сейчас... Где был мой мозг, когда я так доверчиво улеглась на этот чертов диван? Не иначе, в голове образовался вакуум после такого дежурства, что я так легко поддаюсь на уговоры и позволила себя завлечь этому пауку.

– Не тупи, Лера, иди обратно! – хриловато говорит он.

– Нет! – мотаю головой и вдруг внезапно понимаю, что в ординаторской есть вполне себе симпатичный диван! – Я придумала, где можно отдохнуть! Приятных снов!

Вылетев за дверь дежурки, взбешенной молекулой я заскользила по коридору и почти бегом ворвалась в огромное помещение с панорамными окнами в пол. Там сейчас было тихо и сумрачно, далеко внизу виднелись тускло горящие фонари, темные вершины сосен, еще дальше пустая в этот час дорога.

Диван скрипнул, когда я уселась на него, а затем легла, пристраивая голову на подлокотнике. Уставшие ноги благодарно заныли, оказавшись без тапок. Паша мне обычно разминал ступни после дежурства, но сейчас я сделала это сама, после чего прикрыла глаза. Интересно, вызовут еще ночью или нет? Надо поспать хоть немного.

Мысли все возвращались к оставшемуся в дежурке Алексею, я представляла, что могло бы случиться, позволю я

ему... Секс на рабочем месте в первый же день вообще не входил в мои планы! И странно, что в голове пульсирует мысль, что тело предало меня, а в животе болезненно ныло при воспоминании о горячей ладони и жарком поцелуе. Прошел только месяц со дня смерти Павла, а я уже веду себя как похотливое животное. Надо больше не оставаться с этим красавчиком на дежурство, иначе так недалеко и голову вместе с трусами потерять в очередной раз. Нет уж! Пришла работать, значит, надо работать.

Убеждая себя, что так будет правильно и логично, я нет-нет, да и возвращалась к собственным ощущениям в те несколько секунд. Жар и томление, вот это что! Видимо, скрывается отсутствие регулярных половых отношений, раз я так легко готова отдаться. И ведь раньше я такого вообще не замечала! С Пашей мы с детства вместе, и было логичным, что он стал моим первым и единственным мужчиной. Я не испытывала феерических оргазмов, как об этом пишут в книгах, и не помню, к стыду, получилось ли это с Алексеем. И думать вообще об этом не хочу! И никаких больше поползновений в мою сторону допускать не желаю!

С этими мыслями, сердито фыркнув, я подложила руки под щеку и закрыла глаза. Усталость брала свое, постепенно я начала погружаться в сон, подтянув колени к груди. Хотя днем еще было жарковато, ночами осень заявляла о себе промозглой стылостью, и в ординаторской царила прохлада. Надо будет принести с собой покрывало, и зубную щетку, и

еще что-нибудь...

Перед глазами замелькали разноцветные круги, стало мягко-мягко, все завертелось, закружилось, я провалилась в сон со скачущими в ванильных облаках розовыми пони, похожими на мультяшных единорогов.

*****

Пронеслась моя первая неделя в ординатуре. Первое дежурство не могло не наложить отпечаток – я шарахалась от заведующего, как от огня, намеренно стараясь избегать его общества и даже не просилась в операционную, хотя Гриша там уже умудрился побывать и даже поассистировать дважды, поправив на симультанной (когда за один наркоз делаются несколько вмешательств – прим.авт) операции очки заведующему ЛОР-отделением. Я же туда пока не рвалась, предпочитая изучить полностью свою работу и других врачей, выстроенную по четкому графику – перевязки, операции, дежурства, написание историй болезни, консультации страждущих. Обычно первичными пациентами, приходящими с улицы, занимался Денис Сергеевич Ланцов, но сейчас эта функция оказалась возложена на Шиловского, и я частенько видела, как в кабинет к нему входят дамы разных возрастов и наружностей – оказывается, здесь еще делали пластику лица и тела на коммерческой основе. В эту операционную ординаторов практически не пускали. Вернее, Маша регулярно ассистировала заведующему и второму хирургу, Владимиру Андреевичу Загоруцкому, который выглядел

и вел себя как огромный медведь. Не представляю, как такими ручищами можно делать такую работу! Его пациенток я видела в перевязочной – аккуратные шовчики, практически незаметные рубцы, и ворковал он с девушками с нотками юмора и доброты. Хороший дядька. Тем удивительнее оказалось, что он давно и прочно связан отношениями с заведующей нейрореанимацией, Галиной Петровной Швец. Я так и не поняла, женаты эти двое или нет, да и некогда было думать обо всем этом, но пару раз встретила их в коридоре – Владимир Андреевич гудел что-то в своей привычной манере, а тонкая, высокая и худая, словно жердь, Галина Петровна выговаривала ему высоким голосом, будто провинившемуся мальчишке.

Была в отделении еще парочка хирургов, это уже упомянутый Борис Глебович, пожилой доктор со следами вселенской усталости на лице, который вел практически всех «чистых» пациентов после операций, и Дмитрий Сергеевич Загорулько, закончивший ординатуру года три назад, но уже считавший себя невероятно опытным. Может, так оно и было, ведь он практически не вылезал из операционной, то собирая по кускам сломанные кости лица, то вскрывая огромные гнойники, то занимаясь реконструкцией челюстей. На нас с Гришей поглядывал с любопытством, и даже упомянул, что скоро планируется большая операция по восстановлению кости, в которой мы сможем поучаствовать в качестве ассистентов во второй бригаде. Я с предвкушением ждала

этого момента.

Дежурили мы с Гриней по очереди. Маша с нашим появлением стала игнорировать эту великую миссию, и нам приходилось отдуваться вдвоем, оставаясь в дежурные дни с хирургами. Я сознательно больше не соглашалась на то, чтобы совпасть с Алексеем Александровичем, но в глубине души злилась, что и он как-то отстранился и больше не делал попыток сблизиться. С одной стороны, это было именно тем, чего я хотела, с другой – ну как можно было так меня бесить?! Периодически я ловила на себе задумчивый серо-зеленый взгляд и задирала нос, отворачиваясь. Нет уж! Никаких отношений на рабочем месте!

Так прошел месяц. Мы адаптировались, и внутри уже не возникал противный липкий страх, как в первый раз, когда я шла самостоятельно в приемник зашивать рану на лице. Теперь это казалось не сложным, и даже доставляло удовольствие смотреть, как из безобразного кровавого месива получается вполне симпатичная ранка с ровными рядами швов. Следующим этапом стали самостоятельные перевязки послеоперационных пациентов, затем первое шинирование челюстей, с которым я провозилась почти три часа, в то время как у опытных врачей на это уходило до тридцати минут. Мне начала нравиться эта отрасль хирургии. Очень интересно.

– Лера-Валера, – услышала я однажды в коридоре за спиной голос Алексея Александровича. – Слышал, тебе в дека-

нат сегодня надо?

Я обернулась, чуть вздернув бровь при виде стоявшего позади Шиловского. Он выглядел просто потрясающе – синий костюм, белые тапки, чуть уставший взгляд – только вышел из операционной. На лбу следы от шапочки, на носу – от бинокуляров, в которых он иногда оперировал.

– Могу подвезти, – продолжил мужчина, сунув руки в карманы и подмигивая. – Мне надо тоже в ту степь, сертификат закончился, поеду продлять.

Первой мыслью было отказаться от такого заманчивого предложения, но потом я одумалась – после ночного дежурства и дневной работы вообще не хотелось идти сначала до остановки, потом трястись в автобусе, затем еще бежать до главного корпуса академии. Пожалуй, нужно согласиться, не сожрет же он меня.

– Если через двадцать минут будешь готова, жду тебя на парковке, – добавил Шиловский, скрываясь в дежурке. – Серебристая «Лада Гранта», – усмехнулся он, – с автоматом!

Я прикусила губу – предложение вызвало во мне какую-то неконтролируемую радость. Внутри все замерло, сердце застучало быстрее, к лицу прилила кровь. Мы поедем вместе в одной машине!

Метнувшись в раздевалку, я натянула на себя джинсы, кроссовки, куртку и схватила рюкзак.

– Гриш, я отчет по ординатуре повезла, – крикнула в ординаторскую.

Коллега поднял голову от истории, которую сейчас писал, и кивнул. Он оставался сегодня на дежурстве, чем был не особо доволен, а я сменилась и ликовала – впереди суббота и воскресенье, и я впервые не дежурила, Маша пожелала завтра сама выйти с вернувшимся из отпуска Сергеем Вадимовичем, еще одним хирургом отделения.

На парковке в этот час было безлюдно – в двенадцать дня желающих прийти на работу или уйти с нее не имелось. Интересно, Шиловский реально на Гранте ездит? Тоже мне, патриот нашелся! Если у него такой домина, то и машина должна была быть под стать, но мало ли, вдруг и правда принципы какие-нибудь.

Крутя головой, я ежилась от противного октябрьского ветра, задувающего за воротник, разыскивая глазами серебристого лидера российского автопрома. Где ж он?

Внезапно в ряду с машинами одна мигнула фарами. Учтивая, что она мало была похожа на ту, что искала я, пришлось отвернуться и продолжить скользить взглядом по припаркованным автомобилям.

– Садись давай, нос посинел уже! Чего ворон считаешь? – раздался позади шорох шин, а затем голос Алексея.

Я удивленно уставилась на кроссовер, низко гудящий рядом, в приоткрытое окно которого с водительского места смотрел на меня Шиловский.

– Лада Гранта? – удивленно спросила я, нырнув на пассажирское сиденье рядом с ним.

– С автоматом! – усмехнулся мужчина, отчего под щетиной стала видна ямочка на правой щеке.

Смеющимися глазами он ощупал мое лицо, затем вырлил на дорогу из больничных ворот.

– Совсем ты меня забросила, Лера-Валера! – с притворной досадой заметил врач, остановившись на светофоре. – Не дежуришь, в операционную не ходишь со мной, все твой Григорий там ошивается. Неужто неинтересно, чем мы занимаемся?

Я сердито вздохнула – Гриша мне уже все уши прожужжал про чудеса, которые творили хирурги.

– Интересно! – сказала тихо, глядя в сцепленные на коленях руки.

– Пойдешь завтра ассистентом? Буду делать нос.

– Пойду! – внезапно я разозлилась на себя.

И правда, чего я веду себя, как ослица, когда у меня есть шанс научиться такой классной хирургической специальности? И пойду! И буду все уметь и знать!

Внезапно я заметила, что машина вырливает вовсе не в сторону города, а наоборот – по трассе в Сосновку.

– Куда мы едем? – получилось излишне визгливо, но я сейчас была странно напугана.

– Я забыл дома документы, – пожал плечами Алексей. – Время обеда, так что в деканате и нет никого. Заедем ко мне, затем уже в город.

– Ты специально? – повернулась я к нему и смерила про-

филь глазами.

– Не исключено! – усмехнулся Алексей, кинув на меня взгляд. – Ты ж бегаешь от меня, как от больного сифилисом. Сейчас приедем и поговорим. Есть пара предложений к тебе. А может, и не пара. А может, и не только предложений.

7

Вспыхнув от мысли об этих «предложениях», я отвернулась. Ну не выпрыгивать же из машины? Придется ехать с этим... этим... Подходящего эпитета не нашлось, отчего я еще больше рассердилась и занервничала. Ну вот не готова я к отношениям, какими бы они ни были. Тем более, служебный роман, или как это правильно называется? Чтоб в случае чего потом коситься друг на друга и разговаривать сквозь зубы? Насмотрелась я, когда работала медсестрой, как у нас врачи в отделении после развода прям войну Роз устроили, пока у бывшей жены не хватило ума уволиться и уйти в другую больницу. Для себя я такой участи не желала. Мне еще два года учиться в ординатуре, и хотелось бы ее закончить без всяких нервных потрясений. Хватило одного.

О Паше я старалась думать поменьше, но все равно, то и дело в голове возникали мысли, что мы бы сейчас вместе что-то делали, куда-то ехали, строили планы. Без него все было не так. Пусто и одиноко. Я первое время никак не могла привыкнуть, что готовить теперь надо на одного человека, и закупала продукты прежними объемами. Выбрасывая очередную мусорный пакет с протухшей едой, дала себе обеща-

ние, что в следующий раз буду тщательно планировать. Как бы ни было грустно и печально, но мужа не вернуть, надо как-то жить дальше, и начать с того, что ставить небольшие цели. Я итак уже стараюсь побольше загружать мозг, много читаю по специальности, стараюсь брать много дежурств, учусь работать и дышать в одиночку.

Колеса машины скрипнули перед отъезжающими вбок воротами, я вздохнула, заведя в глубине участка дом. Интересно, все же, живет тут кто-то помимо Алексея Александровича, или нет.

– Пойдем сначала перекусим, – сказал он, придерживая входную дверь для меня.

Я вошла, оглядывая владения хирурга. Вот откуда у него деньги на такие хоромы? Не знаю ни одного врача, который бы нормально зарабатывал. Да многим даже на квартиру-студию не хватает, копить пожизненно придется, а тут домина в несколько миллионов, боюсь даже представить его стоимость! Может, этот вот милый доктор людям ночами почка вырезает и продает на черном рынке? Ха-ха!

Усмехнувшись, встретила внимательный взгляд женщины.

– Не знаю, что за мысли бродят в твоей голове, надеюсь, все они приятные и связаны со мной, – сказал он, приглашающе махнув рукой направо: – Кухня там, предлагаю поживиться съестным. Наша приходящая домработница Лидия как раз сегодня с утра должна была приготовить еды на два

дня. Пока отец в отъезде, ей нет надобности находиться тут постоянно.

У него еще и домработница есть!

Входя в кухню, я убедилась, что поговорка «богатый бедного не понимает» справедлива до каждой буквы. Огромное помещение, шикарный кухонный гарнитур из настоящего дерева, похоже, техника с незнакомыми мне названиями бренда, тонкая фарфоровая посуда, красующаяся за дверцами буфета, винный шкаф в виде витрины, сквозь которую виднеются ряды темных бутылок. Обеденный стол был небольшой и вряд ли предусматривал, что здесь будут принимать пищу хозяева этого дома. Скорее всего, имеется столовая, и я живо представила, как за длинным столом сидят разряженные дамы и господа, а слуги в ливреях разносят им кушанья. Тьфу! Рабовладельцы чертовы!

– О, еще горячее! – ликующе заметил Алексей, заглядывая в кастрюлю на плите. – Слушай, у тебя такой вид, словно ты готова меня прикончить. Только не пойму, чем заслужил. Будешь борщ? Лида для меня его готовит.

Кивнув, я позволяю за собой поухаживать – усаживаюсь на стул и жду, пока передо мной поставят пиалу с красным супом, затем положат приборы, поставят тарелку с салом, и как апофеоз всему – стопку самогона.

– Ого! – я подняла глаза на Алексея.

– Ну мало ли, вдруг ты предпочитаешь борщик по древним украинским традициям.

Пожав плечами, я беру ложку и начинаю есть. Боже, это невероятно! Мы однажды были в украинском ресторанчике с Пашей, так вот, тот борщ – жалкое подобие этого!

Алексей тоже предался пищевому разврату, и несколько минут мы молча просто ели, изредка поглядывая друг на друга. В моей голове в этот момент бродили мысли, что вряд ли между людьми разных сословий – в России!!! – возможны хоть какие-то отношения. То есть, получается, в глубине души я уже допускала их наличие между нами, и это даже не вызывало протеста. Почти. Потому что я все еще оставалась вдовой, муж мой умер совсем недавно, и дыра в сердце не собиралась так быстро затягиваться. А животную похоть можно вполне контролировать, для того нам и дано сознание.

– Почему хирургия? – внезапно прозвучал вопрос, заставивший меня отвлечься от созерцания вида за окном.

– Наверное, больше всего по душе, – пожала я плечами, скользнув взглядом по казавшимся сейчас зелеными глазам и снова принявшись разглядывать сосны на участке. – Терапия точно не мое. Акушерство тоже. Поэтому остается только хирургия. Тем более, что сейчас, немного поработав, я уже могу точно сказать, что мне нравится. А вы?

– Я – сын врача, внук врача и другого пути и не было. Правда, какое-то время отец с мамой не жили вместе, и мы вообще не общались, но после школы я нисколько не раздумывал, куда поступать – документы только в мед подавал. Не так давно мы с отцом возобновили отношения. Не без кон-

фликтов, конечно. И в этом доме я живу только когда он отсутствует, так как тут алабаи, надо за ними ухаживать, они не подпускают никого, кроме отца и меня. Это наша общая тема, как оказалось.

– Я слышала, что у вас клиника своя, – смутилась я.

Да, сестры в отделении частенько обсуждали врачей, и я периодически становилась свидетельницей этих бесед. Шилловский фигурировал в них чаще всего, так как был не женат, а еще и владел клиникой пластической хирургии. Каждая незамужняя медсестра мечтала, что он обратит на нее внимание и умчит на Бали, сделав предложение.

– Клиника отца, я совладелец, – нахмурился мужчина. – Ну и оперирую там тоже, на зарплату хирурга особо не пощипуешь. Приходится крутиться. Вообще, у меня есть квартира в городе, там раньше мама жила. Сама понимаешь, не хочется находиться среди ее вещей, каждая несет воспоминание. Сейчас там ремонт, еще и поэтому приходится тут обитать. С другой стороны, Лидия меня любит, да и лес за забором несет умиротворение. Любишь за грибами ходить?

– Какие сейчас грибы-то? – смутилась я, представив, как мы бродим с ведерками и ножами среди деревьев.

– И то верно! – Алексей отставил тарелку и потянулся, после чего глянул на меня. – Ну что, Лера-Валера, готова?

К чему это? Я распахнула глаза и словно кролик на удава смотрела, как мужчина встает из-за стола, отодвинув стул, а затем идет в мою сторону.

– Ты ж не думала, что мы сюда за борщом приехали, – низким голосом сказал он.

– За документами! – пискнула я севшим голосом, максимально отодвинувшись.

– За документами! – согласно кивнул Шиловский, подходя вплотную ко мне и глядя сверху вниз.

Мое лицо сейчас оказалось на уровне его живота, и я внезапно подумала об оральном сексе. С Пашей у нас не было такой практики, и я не представляла себе, как можно делать это, но сейчас почему-то непрошенные образы лезли в голову, заставляя дышать чаще и краснеть. Вдруг он начнет принуждать меня?

– Поговорим? – голос мужчины стал низким и с хрипотцой.

Наверное, так змея завлекает в свои сети глупую мышку.

Чувствуя себя неудобно, я попыталась встать, надеясь, что Алексей догадается отступить, но он вдруг протянул руку и обнял меня за талию, буквально вдавив в свое тело.

– Отпусти! – я уперлась кулаками ему в грудь, ощущая через тонкую ткань рубашки жар от тела хирурга.

– А то что? – хмыкнул он, разглядывая меня с высоты своего роста.

Я боялась посмотреть ему в глаза, пыталась освободиться, оттолкнуть мужчину, но только больше прижималась к нему, буквально вдавливаясь в мускулистое тело.

– Вкусно пахнешь, Валера! – ткнулся он внезапно носом в

мою макушку, после чего вытащил скрепляющие шпильки, позволив волосам скользнул вдоль спины до самой талии, зарывшись в них пальцами и поглаживая мой затылок, отчего табун мурашек кинулся вдоль позвоночника.

Я откинула голову, все же взглянув в потемневшие сейчас глаза Шиловского, по-прежнему упираясь ему в грудь. Зря он так с моими волосами – это богатство принадлежит исключительно моему мужу. Умершему мужу.

– Отпусти...те! – сердито вспыхнула я. – Что вы себе позволяете?

– Недотрога, да? – криво усмехнулся мужчина. – Для кого себя бережешь? Для покойника?

– Что? – я непонимающе моргнула, потом резко толкнула его, отступив назад, отчего стул резко скрипнул ножками по плитке. – Какое вам дело, для кого и почему я себя берегу? У меня умер любимый муж, ясно вам? И то, что случилось между нами – только пьяная выходка, ничего более. И еще – вероятно, вы были настолько не впечатлительны, что я абсолютно ничего не помню! Пропустите!

Резко дернувшись, я словно пуля выскользнула из объятий Шиловского, пронеслась по коридору, схватила свою куртку и выскочила за дверь. Будет он еще мне замечания делать! Гад такой!

Гневно пронеслась вдоль по улице, прошла через шлагбаум, провожаемая взглядом охранника и усмехнулась – ну вот, снова я на этой чертовой дороге, и надо идти искать ав-

тобусную остановку.

Натянув капюшон, так как порывы ветра разметали мои растрепанные волосы, я сжала воротник у горла, спасаясь от холода, а затем побрела по грунтовке к асфальтированной трассе. Надо посмотреть, ходят ли тут вообще маршрутки, а то вдруг для богатых не выделили. Они ж элита! Последнее слово я даже мысленно выделила и облила презрением. Ишь ты, охрана тут у них! Боятся, как бы народ их не раскулачил, наверное.

– Эй, подвезти? – знакомый голос позади обрадовал до-
нельзя.

Это ж моя спасительница, которая в прошлый раз помогла!

И верно, женщина ехала на своей старенькой машинке на рынок, тарыхтя по дороге, что обзавелась продавцом и теперь дважды в день ездит – утром или в обед отвозит товар, вечером снять кассу. Так даже выгоднее, как я поняла из потока слов. Мысли нет-нет, да и возвращались к Шиловскому, пока я смотрела в окно на вековые сосны, растущие вдоль дороги. Что за интерес у него ко мне? Я ж не красавица, не фитоняша, обычная девчонка. Ну да, случайно переспала с ним, да только таких вот девиц случайных у него было, наверное, вагон и маленькая тележка. Почему он меня-то особенным вниманием одаривает? И как бы избавиться от него?

В тот день я не попала в деканат. Просто настолько разо-

злилась и была взбешена, что ворвалась в первую же попавшуюся парикмахерскую и сказала, что хочу постричься и покраситься. Да, я решила, что мои волосы, которые так любил мой муж, должны уйти в прошлое. Может, когда-то снова захочу отращивать, но пока буду ходить с короткой стрижкой. Давно хотела попробовать, да все не решалась, когда муж перебирал прядь за прядью, то накручивая локон на палец, то отпуская его.

Глотая слезы, я ждала своей очереди, сидя на диванчике и к моменту, когда мастер освободился и был готов взять меня, совершенно расстроилась. Может, и правда хорошая стрижка взбодрит?

Спустя три часа я уже не была так в этом уверена. Сначала девушка-парикмахер долго сокрушалась, что я хочу избавиться от волос, потом отговаривала меня красить то, что осталось, но в конце концов, я ее переубедила. Правда, очень уж долго это похорошение происходит.

В супермаркете у дома я остановилась у витрины с икрой и долго разглядывала себя, поражаясь, как можно кардинально измениться, всего-навсего избавившись от пучка на голове. Когда я в последний раз носила распущенные волосы? Не припомню вообще. Голове было невероятно легко, она словно парила над плечами, короткие волосы щекотали шею, а если я встряхивала ими, то смешно подпрыгивали. Как оказалось, они у меня вьются! Я ж с детства то косу заплетала, то хвост, и знать не знала, что стану обладателем

локонов длиной до плеч. Кстати, образ мой от этого только выиграл. Лицо стало казаться менее угловатым, челка скрыла высокий лоб, даже взгляд приобрел иное выражение. Наверное, это выздоровление от горя. Должен же когда-то наступить светлый момент.

Решительно сунув в тележку кусок сыра, я зашагала к отделу с вином. Раз уж я начинаю новую жизнь, то хочу быть взрослой и научиться понимать взрослые радости. Сегодня и начну. С приятного. Включу фильм какой-нибудь, выпью вина, потом сделаю то, о чем давно мечтала – зайду на сайт приюта для животных и выберу себе питомца. Еще не знаю, будет это кот или собака, скорее всего, кот, так как сможет мои дежурства выносить в одиночестве с полной миской с едой. Я буду знать, что дома меня ждут. А с собакой гулять надо несколько раз в день, так что этот вариант отпадает.

Почему я раньше ни с кем не дружила? Как-то же девушки находят подруг. А я всегда с Пашей, и он со мной, нам никто не был интересен, кроме друг друга.

Отогнав от себя грустные мысли, я зарулила еще в отдел с фруктами, а потом уже пошла домой, предвкушая, с каким удовольствием проведу вечер пятницы. Новая стрижка словно пробудила во мне жажду жизни. Я впервые со дня, когда потеряла Пашу, захотела улыбаться и смотреть в будущее с надеждой. Думаю, он бы одобрил это.

Дом встретил меня тишиной, что еще больше укрепило в мысли приобрести животное. Покупать точно не хочу, по-

родистым и без меня найдется хозяин, хочу взять бездомыша, который нуждается во мне, как я в нем. Пожалуй, стоит этому уделить время до того, как я начну пить вино, а потому я уселась за старенький ноутбук, купленный с рук давным-давно, и уже откровенно намекающим на то, что пора в утиль. Первый же сайт, найденный в поисковике, поразил меня. Судя по всему, фото делал профессиональный фотограф, так как прямо в душу смотрели разные глаза кошек и собак. Своего я нашла сразу же. Побитый жизнью котяра, одноглазый, с отмороженными ушами и хвостом, возраст неизвестен, он был никому не нужен, и, если я не возьму его, то будет доживать свой недолгий кошачий век в приюте. Хорошо, хоть там, а не на улице, постоянно подвергаясь опасности от людей, собак, машин... Решено! Завтра же с утра еду туда!

Но планам моим не суждено было исполниться в той мере, в которой я рассчитывала. Около двенадцати ночи мой телефон разразился трелью звонка. Что это? Мне некому звонить в такое время, и номер незнакомый. Странно.

– Алло? – с опаской я взяла трубку.

– Вот что ты за сука такая, а? – послышался глухой голос Шиловского.

– Что? – непонимающе моргнула я, думая, что мне помешалось.

– Думаешь, типа, отшила меня и все?

– Алексей Александрович, вы пьяны? – зачем-то уточнила

я, хотя, итак было понятно, что да.

– Открывай.

– Что?

– Я у тебя под дверью. Открывай.

Вскочив, я заметалась по комнате. Как под дверью? Откуда он узнал адрес? И номер телефона? И вообще, зачем пришел-то?

Настойчивый звук ударов в дверь выводит меня из состояния нервозности, заставляя уже удариться в панику. Что делать?

Глянув на себя в зеркало в прихожей, я пришла к выводу, что краше уже не стану, а потому решительно повернула замок и уставилась на Алексея Александровича собственной персоной.

8

В тот день я так и не попала в деканат. Просто настолько разозлилась и была взбешена, что ворвалась в первую же попавшуюся парикмахерскую и заявила, что хочу постричься и покраситься. Да, я решила, что мои волосы, которые так любил умерший муж, должны уйти в прошлое. Может, когда-то снова захочу отращивать, но пока буду ходить с короткой стрижкой. Давно хотела попробовать, да все не решалась, когда Паша перебирал прядь за прядью, то накручивая локон на палец, то отпуская его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.